

ЛЕЯ

Я работала всю неделю без перерыва. Порой меня пугала мысль, что это даже не работа, а скорее необходимость или смесь того и другого. Живопись была двигателем моей жизни, причиной, по которой я держалась, была сильной, полной всего, что нужно запечатлеть и излить. Помню, однажды Аксель спросил меня о том, как мне удалось это сделать, а я ответила, что не знаю — просто сделала это.

Я не знала — просто сделала это. Задай он мне этот вопрос некоторое время спустя — ответила бы иначе. Призналась бы, что это был мой выпускной клапан. То, что мне было не под силу выразить словами, я передавала цветами, формами и текстурами. Я бы сказала, что это самое мое и только мое, как ничто другое в мире.

Не будь это мой день рождения, я бы осталась в ту ночь рисовать на своем маленьком чердаке до самого утра, как часто делала по выходным, но университетские друзья настояли на вечеринке, и я не могла отказаться. Я одевалась, вспоминая звонок Блэр за несколько часов до этого: она поздравила меня и попутно поделилась новостью, что ребенок, которого она ждет от Кевина, будет мальчиком. Это был лучший из подарков, которые я собиралась получить в тот день. Я подошла к зеркалу заплести волосы. Они были очень длинными, и я редко их распускала; несколько раз подумывала состричь, но шевелюра напоминала мне о днях, когда я гуляла босиком и жила в доме

вдали от остального мира, о днях, когда я не слишком беспокоилась, расчесывать мне волосы или нет. Даже это изменилось. То, как я стала одеваться, — более тщательно. Я старалась контролировать себя, если чувствовала какой-то побудительный импульс, потому что усвоила: импульсы не всегда ведут по верному пути. Я прилагала усилия, чтобы быть спокойнее, обдумывала все, прежде чем нырять в пустоту, и взвешивание последствий доставляло мне беспокойство.

Вновь зазвонил телефон. Как всегда, мое сердце словно пропустило один удар — стоило увидеть на экране эти имя и фамилию: Джорджия Нгуен.

Я перевела дыхание и сняла трубку.

— С днем рождения, дорогая! — закричала она. — Двадцать три года уже. Не могу поверить, как быстро летит время: кажется, еще вчера гуляла с тобой в саду, держа на руках, чтобы ты не плакала.

Я села на край кровати и улыбнулась.

— Спасибо, что позвонила. Как вы там?

— Вот, почти садимся в самолет, в зоне посадки. — Она разразилась смехом, как ребенок, потому что ее муж, видимо, пытался пощекотать ее, чтобы забрать телефон. — Хватит, Даниель, я сейчас передам тебе! Говорю, дорогая, мы в аэропорту Сан-Франциско, и через час отправляется наш рейс в Пунта-Кану.

— Какой у вас маршрут! И как я вам завидую!

— Я позвоню тебе на днях, поговорим более спокойно и без помех.

— Не волнуйся, дай Даниелю.

— С днем рождения, Лея! — тут же воскликнул он. — Будешь праздновать с коллегами? Хорошо провести время. Развлекайся.

— Спасибо, Даниель. Я попробую.

Я повесила трубку и несколько секунд стояла, с тоской глядя на экран телефона и прокручивая все поздравления, которые получила в тот день... и те, которые не получила.

Это было глупо. Как многое из того, что время от времени обрушивалось на меня, ведь, в конце концов, в памяти людей остаются детали, которые выглядят незначительными, но именно они оказываются действительно важны. Аксель всегда был важным гостем на всех моих днях рождения; единственным человеком, которого я хотела видеть, когда наступало время праздновать; тем, кто дарил подарки, нравившиеся мне больше всего; тем, кто исполнял мои желания, когда я задувала свечи, будучи совсем еще маленькой девочкой. Казалось, прошла целая вечность... Я снова взглянула на свой мобильный. Не знаю, чего я ждала, но звонка не было.

Я глубоко вздохнула и встала, чтобы подойти к длинному зеркалу, все так же стоявшему у стены, на том самом месте, где Оливер поставил его почти три года назад, когда я импульсивно купила его в магазине неподалеку от дома.

Я небрежно потрогала кончик косы, разглядывая свое отражение. «У тебя все будет хорошо, — повторяла я про себя скорее по привычке, чем для чего-то еще. — Все будет хорошо».

Уже смеркалось, когда я вышла на улицу прогуляться до ресторана, где мы договорились встретиться. Не успела я сделать и пары шагов, как появился он.

— Что ты здесь делаешь? — засмеялась я.

— Хотел составить тебе компанию. — Лэндон протянул розу и медленно поцеловал меня.

Я посмотрела на цветок, когда Лэндон выпрямился, и погладила алые лепестки. Поднесла к носу, чтобы понюхать, и мы двинулись дальше в тихом темпе.

— Расскажи, чем занималась сегодня — насыщенный был день?

— Да, я как раз заканчиваю картину... — Я сглотнула, вспомнив тот кусочек моря, что был таким моим, таким нашим, и покачала головой. — Не хочу утомлять. Давай ты о себе.

Лэндон рассказал, как прошла его неделя, как усердно он работал над проектом, который готовил для диплома по бизнесу, как он с нетерпением ждал встречи со мной последние три дня, когда у нас не было свободного времени, какой красивой я была той ночью...

Заметив ресторан, мы замедлили шаг.

— Надеюсь, тебе понравится твоя неожиданная вечеринка, — пошутил он, но затем стал серьезен. — Все здесь. Иногда, когда ты замыкаешься в себе и у себя на чердаке, я беспокоюсь о тебе, Лея. Хочу, чтобы ты получила удовольствие от сегодняшнего вечера.

Меня тронули его слова, я крепко обняла его.

Обещала ему получить удовольствие.

Мое лицо расплылось в улыбке, когда мы переступили порог ресторана и увидели наших друзей, поднимающихся из-за заднего столика и поющих Harry Birthday. После объятий и поцелуев мы уселись рядом. Приехали почти все, кто был частью моей жизни в Брисбене: некоторые одноклассники, Морган и Люси, девушки, с которыми я познакомилась в первый месяц в общежитии и с тех пор не расставалась. Они первыми предложили подарок. Я развернула его с осторожностью, которая совсем не напоминала некогда одолевавшее

меня нетерпение; я сняла ленту ногтем, сложила бумагу и поблагодарила подруг за то, что они нашли материалы для рисования — то, что, как они знали, было мне нужно.

— Вы невероятны, и вы не обязаны были...

— Не плакать! — тут же вскрикнула Морган.

— Но я и не собиралась...

— Мы тебя знаем, — оборвала меня Люси.

Выражение ее лица заставило меня рассмеяться.

— Хорошо, никаких слез, только веселье! — Я перевела взгляд на Лэндона, который удовлетворенно улыбался и подмигивал мне из-за стола.

К тому времени, когда вечеринка закончилась, было уже позднее утро, и я выпила больше, чем полагалось, учитывая, что на следующий день приезжал мой брат Оливер. Но мне было все равно. Ведь среди огней того места, где мы в итоге заказали несколько напитков, я чувствовала себя хорошо, радостно, окутанная объятиями Лэндона и смехом друзей. Перестала думать о тех, кого уже не было рядом, о хриплом голосе Акселя, поздравлявшего меня, и о том, что дал бы мне этот год в параллельной реальности, в которой мы все еще были теми же людьми, думавшими, будто никогда не разойдутся.

Мне потребовалось время, чтобы осознать это, но... жизнь продолжалась. Аксель не был судьбой — лишь началом того отрезка пути, что мы рука об руку прошли вместе, пока он не решил свернуть с дороги.

Я легла пьяная в постель, и казалось, что комната кружится. Обняла подушку. Бывали времена, когда я, занятая учебой, почти не думала об Акселе — часами, что

трудилась на чердаке, часами, что проводила с Лэндоном или девочками. Но он всегда возвращался. Он. Это чувство, будто я до сих пор ношу его под кожей, беспокоило меня все больше. Воспоминания пробуждались в самый неподходящий момент: от вида незнакомца, держащего сигарету между большим и указательным пальцами, от запаха чая, от песни, от глупого жеста... от любой мелочи.

Я вспомнила, что хранила в верхнем ящике прикроватной тумбочки, но сдержала желание открыть его и взять тот предмет, купленный на блошином рынке вскоре после приезда в Брисбен.

Я плотно закрыла глаза. Все вокруг по-прежнему кружилось.

Мне было интересно, что в этот момент делал он...

4

АКСЕЛЬ

Я в последний раз взглянул на галерею, прежде чем отправиться домой. Снова пошел пешком, потому что никогда не спешил туда — меня никто не ждал.

В тот день я ошибся.

На пороге дома сидел Оливер.

По какой-то причине я был столь же потрясен, что и в первый раз, когда увидел его точно там же четырьмя месяцами ранее. Потому что я, конечно, не ожидал этого и потому что... черт, потому что у меня перехватило

дыхание, когда я понял, как сильно соскучился по нему за эти годы отсутствия.

Так что Оливер просто вернулся в мою жизнь в один прекрасный день, внезапно — так же, как и ушел.

Я застыл, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться, что он настоящий; он был такой же, как и прежде, как будто ничего не изменилось. Он посмотрел на меня с опаской, а когда я открыл дверь своего дома и спросил, не хочет ли он войти, он ничего не сказал и просто последовал за мной внутрь. Он взял пиво, которое я протянул ему, мы вышли на террасу и молча выкурили по сигарете. Я не знаю, сколько мы там просидели, несколько часов или всего двадцать минут; я настолько глубоко погрузился в свои мысли, что даже не заметил. Знаю только, что, подсаживаясь, он обнял меня одновременно сердито и ласково, все смешалось воедино, а вскоре он ушел, не попрощавшись.

Он делал это еще несколько раз. Неожиданно появлялся у меня дома. Я знал, что он приезжал, когда навещал свою сестру в Брисбене; мимоходом он всегда старался зайти, чтобы провести время с моей семьей. В течение трех лет с тех пор, как мы виделись в последний раз, он следовал этому распорядку, не удосужившись зайти и поздороваться со мной. Только спустя некоторое время я понял, что заставило его передумать и постучать в мою дверь. Тогда я его не спросил. Лею мы тоже больше не обсуждали. Это была наша негласная договоренность, и нам не пришлось оглашать правила, ведь мы оба знали, в чем они заключаются. И мы снова стали друзьями. Но эта дружба была... другая, потому что когда что-то разбивается и собирается вновь, то оно уже никогда не бывает идеальным, таким, каким было, — появляются трещины и неровности.

— Не знал, что ты приедешь, — сказал я, когда он навел меня в четвертый раз.

— Я тоже. — Он направился за мной, когда я вошел в дом. — На самом деле у меня не было свободных дней, но я умудрился в последнюю минуту внести изменения для...

«День рождения Леи». Черт. Я закрыл глаза.

— Пива? — перебил я его.

— Холодного. Чертовски жарко.

— Это нормально, учитывая, во что ты одет.

— Вот что значит не жить как отшельник.

Я покачал головой, еще раз взглянув на его темные брюки и рубашку, в которой было жарко даже с закатанными рукавами.

— Все в порядке, Оливер? — Мы вышли на террасу.

— Да. А как у тебя с галереей? — спросил он.

— Не жалуюсь. Это развлекает. Это что-то другое.

Чуть больше года назад я начал работать в той маленькой галерее в Байрон-Бей, в которой когда-то давно мечтал выставить свои работы. И это тоже было связано с обещанием. Но я согласился на ту работу не поэтому, а потому, что... не смог найти причин для отказа. Мне было нечего делать. Мне было скучно. Тишина иногда слишком тяготила. И я подумал, что не помешает время от времени заглядывать сюда и помогать не по графику.

Не ошибся. Это было одно из немногих мудрых решений, принятых за последнее время. Я продолжал иллюстрировать, но стал требовательнее к принимаемым заказам.

Основным условием нормального функционирования галереи является наличие ясного и четкого проекта. Я занимался его составлением, указывая, какое искусство

и каких художников мы будем продвигать; это, по сути, было фундаментом, на котором строился бизнес. Владелец, Ханс, был предпринимателем, который время от времени сам заходил к нам и давал мне свободу делать и переделывать все по своему усмотрению, при этом с неизменной поддержкой от руководительницы Сэм, работавшей полный день.

Первые несколько месяцев было трудно, но в итоге у нас появился более определенный, единообразный и целостный каталог благодаря перекликающейся стилистике художников, представленных у нас. Моя работа состояла в том, чтобы искать художников и убеждать их принять участие в нашем проекте, побуждать их устроить первую выставку в Байрон-Бей, а затем Сэм заботилась о поддержании более тесных отношений. Она была хороша в том, что сотрудники называли «поэзией ее работы», возможно, потому что была милой женщиной, матерью троих детей с бесконечным терпением, способной мириться с эго любого тщеславного художника, на что меня совсем не хватало. Я знал, в чем магия этого процесса для Сэм: видеть, как растут молодые перспективные художники, которым мы доверяли, быть в постоянном контакте с ними и, прежде всего, посещать их студии.

Мне все еще не удавалось полностью включиться в работу.

Было что-то... что-то, что сдерживало меня.

— Сколько художников ты сейчас ведешь? — Оливер с любопытством смотрел на меня, ковыряя край этикетки от пива.

— Я? — Я поднял брови. — Ни одного.

— Ты знаешь, о чем я.

— Их ведет Сэм. Я просто нахожу их и заманиваю в галерею.

Мы молчали, пока солнце опускалось за горизонт. Возвращение Оливера в мою жизнь дало мне ложное чувство нормальности, потому что все, конечно, было по-другому. А может, дело было во мне, сильно изменившемся с тех студенческих лет, когда мы были неразлучны. Он по-прежнему был одним из тех, кого я любил больше всего, но у меня было ощущение, что мы постепенно укладывали между собой кирпичи, пока наконец не построили стену. И даже хуже. Что мы разговаривали через эту стену. И что делать это мы начали еще до моих отношений с его сестрой. Эта уверенность в том, что другой человек слушает и кивает, но не понимает тебя до конца не потому, что не хочет, а потому, что не может. И я ненавидел чувствовать эту непостижимость, заполнявшую пространство, когда мы разговаривали, потому что это напоминало мне, что единственным человеком, который, как я чувствовал, видел меня насквозь, слой за слоем, кусочек за кусочком, была девушка вкуса клубники, по которой я так сильно скучал...

5

ЛЕЯ

Я очень волновалась, когда преподавательница Линда Мартин позвонила мне после урока, чтобы договориться о времени моих занятий. Так что, ожидая в приемной,

я не могла перестать грызть ноготь на мизинце. Минутой позже назначенного времени она открыла дверь кабинета и улыбнулась мне. Это меня несколько расслабило. Я была так сосредоточена на учебе, что боялась допустить ошибку на последнем экзамене, снизить средний балл или разочаровать кого-то.

Она села на стул, едва я устроилась за столом.

Я прикусила губу, пытаюсь сдержаться, но безуспешно.

— Что же я сделала? — пробормотала я.

Я ненавидела эту часть себя. Импульсивную. Ту, что мешала мне управлять своими эмоциями, контролировать их и мало-помалу переваривать. Ту мою скрытую часть, что однажды ночью заставила меня раздеться перед ним с вопросом, почему он никогда не замечал меня. По какой-то причине это воспоминание продолжало возвращаться ко мне.

— Ты ничего не сделала, Лея. Или сделала. Ты много сделала, и сделала хорошо. — Она открыла папку на столе. Достала несколько фотографий, на которых были изображены мои работы. — Я рекомендовала тебя для участия в выставке, которая состоится через месяц в Ред-Хилле. Думаю, ты идеальная кандидатка, так как подходишь по профилю.

— Вы всерьез это говорите? — Я заморгала, чтобы не расплакаться.

— Это будет отличная возможность. Ты ее заслужила.

— Это... Я не знаю, что сказать, мисс Мартин.

— «Спасибо» будет достаточно. Там предполагается всего три работы, но выставка привлечет много посетителей, а это прекрасно. Что думаешь?

— Думаю, что сейчас закричу от восторга!

Линда Мартин разразилась смехом, и после нескольких кратких комментариев я миллион раз поблагодарила ее, вставая и беря портфель. Выходя из здания факультета, я посмотрела на небо и глубоко вздохнула. Ветер был теплым и приятным. Я подумала о своих родителях, о том, как бы они гордились мной, как бы я хотела разделить с ними этот успех... Потом быстро отыскала свой мобильный телефон среди всякого хлама в маленьком кармане портфеля и набрала Оливера. В нетерпении подождала, пока он не ответил после пятого гудка.

— Ты сидишь? — взволнованно спросила я.

— Я... да, ну, в постели. Лежу. Тебе это подходит?

— Ох, блин, только не говори мне, что ты был с Бегой!

— Давай выкладывай, что ты хотела мне сказать.

— Меня выбрали... я буду выставяться... — Я перевела дыхание. — Всего три работы, но это...

— Охренеть, Лейя. — На несколько секунд воцарилась тишина, и я поняла, как взволнован брат. И что он встает с кровати, потому что я услышала его шаги, прежде чем он перевел дыхание. — Ты даже не представляешь, как я горжусь тобой. Поздравляю, малышка.

— Это все благодаря тебе, — прошептала я.

И хотя он отрицал, я знала, что это правда.

Когда три года назад все развалилось, я несколько недель злилась на брата и почти не разговаривала с ним. Так я вела себя поначалу, пока не поняла, что его вины не было. Оливер не принимал решение. Не Оливер все испортил. Оливер не выбирал, каким путем идти. Но в то время я не хотела этого видеть.

Я не хотела признавать, что Аксель сдавался, как только что-то оказывалось выше его сил, что при малейшем осложнении он уходил в сторону, оставляя то, что не мог

контролировать, что он никогда не вовлекался до конца ни во что и ни в кого.

Может, это была моя вина, ведь я идеализировала его.

Аксель не был идеалом. Как он сам показывал, в нем были неприятные стороны, те, что нам всем хочется причесать и отполировать, пока они не исчезнут. А еще серые зоны. Достоинства, которые иногда превращаются в недостатки. То, что когда-то было белым, но со временем потемнело: его мечты, его смелость.

Я покачала головой и повернула за угол направо. Позвонила в дверь. Лэндон ответил и открыл. Он уже ждал меня, прислонившись к дверному косяку, пока я поднималась по лестнице. Его волосы были взъерошены, а рукава рубашки закатаны; я подумала, что он выглядит привлекательно, и улыбнулась, прежде чем запрыгнуть на него и крепко обнять.

— Какой энтузиазм, — пошутил он.

— Я собираюсь выставить три работы! — закричала я.

— Черт, милая, не могу передать, как я рад...

Я тяжело слотнула, уткнувшись лицом в его шею, ненавидя, что он произнес это слово, которое я не любила слышать и всегда просила его не использовать. «Милая»... Я продолжала слышать его, произносимое хриплым голосом Акселя. С желанием. С любовью.

Я обняла Лэндона покрепче, заставляя себя не думать ни о чем, кроме хороших новостей. Поцеловав его в шею, поднялась выше и коснулась его мягких губ. Он закрыл дверь, а я обвила ногами его поясницу. Мы перемещались по его квартире, пока он не уронил меня на кровать. Я наблюдала, как он, стоя передо мной, расстегивает рубашку.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

